60 СМЕН НА ВАХТЕ

Анатолий Бородин

Анатолий Бородин

60 смен на вахте

«Автор»
2026

Бородин А.

60 смен на вахте / А. Бородин — «Автор», 2026

Молодой парень Антон Ермолин сбежал из города, где задыхался от бытовой скуки и пустоты в душе. Он прилетел работать на север — добывать уголь в месторождении посреди густого леса. Там он нашёл то, чего даже не искал, — Машу, молодую девушку с веснушками, которая улыбается так, что забываешь, зачем вообще дышал. Антон ей тоже очень понравился, но она этого не показывала, потому что знала, что все вахтовики рано или поздно уезжают навсегда. А она остаётся здесь одна, снова одна.Антон мечтает работать на буровой установке. Его бригадир орёт как гром, но всегда по делу. Новые коллеги-учителя родом из Армении и Грузии. В подвале барака живёт философ. Тайна молчаливого охранника. И девушка из бухгалтерии, которая часто путает бумаги, но не свои чувства к Антону.Горячая кухня. Яркие звёзды. Руки, пахнущие углём и нежностью. Шестьдесят смен на вахте как целая жизнь. Мальчик становится мужчиной. Чужой становится своим. Одна любовь. Одна жизнь. И один выбор, который меняет всё.

© Бородин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тоска в четырёх стенах 5
Глава 2. Дорога на север 8
Глава 3. Иваныч 10
Глава 4. Месторождение 12
Глава 5. Первый день на смене 14
Глава 6. Карен и Зураб 16
Глава 7. Столовая и Машка 18
Глава 8. Мариночка 20
Глава 9. Петр Васильевич 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

60 смен на вахте

Глава 1. Тоска в четырёх стенах

Октябрь выдался на редкость мерзким. Серое небо нависало над городом, как мокрое одеяло, которое кто-то забыл снять с верёвки после стирки. Мелкий, въедливый дождь барабанил по подоконнику с монотонностью метронома, и этот звук, казалось, просверливал черепную коробку насквозь, добирался до самого мозга и ковырялся там, как ржавая отвёртка в старом замке.

Антон Ермолин лежал на диване в родительской квартире, в своей маленькой, но очень уютной комнате, и безмятежно смотрел в потолок. Потолок был белый, с лёгкой желтизной по углам, и на нём проступали разводы от давнего затопления соседями сверху. Антон знал каждый из этих разводов наизусть — вот этот похож на кролика, тот напоминает карту Африки, а вон тот, в самом углу, смахивает на профиль его бывшего преподавателя по электротехнике, который вечно ставил ему тройки за невнимательность.

Антону было двадцать три года, и он умирал от скуки. Не от той лёгкой, мимолётной скуки, которая накатывает в очереди в поликлинике или на скучной лекции, а от настоящей, густой, тягучей скуки, которая обволакивает человека целиком, как смола, и не даёт ни вздохнуть, ни пошевелиться. Скуки, от которой хочется лезть на стену или выть на луну, как бродячей собаке.

Он потянулся, хрустнул пальцами и сел. Белокурые волосы средней длины упали ему на лоб, закрывая один глаз. Антон привычным жестом откинул их назад, обнажая глубокие голубые глаза — того самого оттенка, который в книжках называют «небесным» или «васильковым». Широкие скулы, прямой нос, чётко очерченный подбородок — в целом лицо было из тех, на которые оборачиваются на улице. Высокий, широкоплечий, но при этом худой, как жердь, он напоминал молодого тополя, который ещё не успел набрать полную силу, но уже тянется к солнцу.

— Мать твою за ногу, — пробормотал Антон, обращаясь то ли к потолку, то ли к дождю за окном, то ли ко всей вселенной в целом. — Ещё один день в этой консервной банке, и я начну разговаривать с обоями.

Родители были на работе. Отец, Геннадий Петрович, трудился инженером на местном заводе, мать, Людмила Сергеевна, преподавала математику в школе. Они ушли рано, в семь утра, оставив Антону записку на холодильнике: «Сынок, суп в кастрюле. Не сиди весь день дома. Позвони бабушке». Антон суп не ел, бабушке не звонил и из дома не выходил. Третий день подряд.

Он встал с дивана, прошлёпал босыми ногами по холодному линолеуму на кухню и заглянул в холодильник. Пустота. Ну, почти пустота — банка маринованных огурцов, полпачки масла, три яйца и кусок засохшего сыра. Антон закрыл холодильник и тяжело вздохнул.

Город его бесил. Не конкретно этот город — любой город. Бесили бесконечные пробки, в которых люди тратили по два-три часа в день, чтобы добраться из точки А в точку Б. Бесили торговые центры с их искусственным светом и навязчивой музыкой. Бесили соседи, которые сверлили стены по субботам ровно в шесть утра. Бесили маршрутки, где воняло соляркой и чьим-то перегаром. Бесил бесконечный гул, шум, суета, толкотня. Бесило ощущение, что ты — муравей в муравейнике, один из миллионов таких же муравьёв, и никому нет до тебя никакого дела.

Антон подошёл к окну. Внизу, на мокром асфальте, люди сновали под зонтами, как муравьи — вот, опять он подумал про муравьёв. Автобус выплюнул очередную порцию пассажиров у остановки. Какой-то мужик в серой куртке ругался с водителем. Девушка в красных

сапогах перепрыгивала через лужу и чуть не упала. Всё это было такое привычное, такое до боли знакомое, что Антона затошнило.

— Хочу на край света, — сказал он своему отражению в стекле. — В густые леса. Туда, где людей меньше, чем медведей. Где воздух такой, что лёгкие распирает. Где тишина настоящая, а не вот это вот всё.

Он мечтал об этом уже несколько месяцев. С тех пор, как закончился его последний контракт на местной стройке. Три месяца он монтировал металлоконструкции на возведении нового торгового центра — того самого, с искусственным светом и навязчивой музыкой. Монтировал день и ночь, на высоте двадцать метров, в ветре и морозе, с замороженными пальцами и ноющей спиной. А потом торговый центр открыли, и Антон понял, что больше не может смотреть на эти стеклянные коробки, на эти неоновые вывески, на этих людей с пакетами и пустыми глазами.

Антон был мастером на все руки. Монтажник — это раз. Электрик — это два. Водитель экскаватора — три. Автокран — четыре. Грузовик — пять. В свои двадцать три он успел получить больше профессиональных удостоверений, чем иной человек за всю жизнь. Руки у него были золотые, голова светлая, а энергии — хоть отбавляй. Но в городе этой энергии не находилось применения. Всё было уже построено, проведено, подключено. Антон чувствовал себя, как гоночный автомобиль, запертый в гараже.

Он вернулся в комнату и включил ноутбук. Экран мигнул, загорелся, и Антон открыл браузер. В поисковике он набрал первое, что пришло ему в голову: «работа вахта север уголь».

Страница загрузилась, и Антон принялся листать объявления. Нефть, газ, золото — всё не то. Он хотел уголь. Почему-то именно уголь. Может быть, потому что уголь — это земля, это недра, это настоящая, грубая, мужская работа. Не офисная, не торговая, не сервисная. А настоящая. Где ты берёшь из земли то, что она прячет миллионы лет. Где ты чувствуешь мощь техники под своими руками. Где в конце смены ты чёрный с ног до головы, уставший, как собака, но довольный, как кот.

И тут он увидел: «Северное угольное месторождение. Требуются: монтажники, электрики, водители спецтехники. Условия: 60 смен, 30 дней межвахтового оплачиваемого отпуска. График: 6 через 1. Проживание в однокомнатной квартире за символическую плату. Бесплатное питание 3 раза в день. Заработная плата: высокая. Премии за перевыполнение плана. Возможность обучения работе на буровой установке».

Антон перечитал объявление три раза. Потом ещё раз. Потом сел прямо, как будто его ударило током.

— Шестьдесят смен, — прошептал он. — Два месяца. А потом тридцать дней отдыха. Месяц. Целый месяц.

Он представил: густые леса, реки и маленькие озёра, бескрайние просторы, сопки и горы. Огромное угольное месторождение, как рана в теле земли, из которой день и ночь выкачивают чёрное золото. Техника — экскаваторы, самосвалы, буровые установки — всё огромное, мощное, ревущее. И он, Антон, среди всего этого. Не муравей в муравейнике, а настоящий человек, который делает настоящее дело.

Сердце забилось чаще. Антон почувствовал, как внутри него что-то сдвинулось, как будто ржавая шестерёнка, которая годами стояла на месте, вдруг скрипнула и начала вращаться.

Он схватил телефон и набрал номер.

— Алло, здравствуйте. Меня зовут Антон Ермолин. Я по объявлению на Северное угольное месторождение. Да, монтажник. Электрик тоже. Водитель спецтехники — экскаватор, автокран, грузовик. Да, все удостоверения есть. Когда можно приступить?.. Завтра?.. Послезавтра?.. Отлично. Послезавтра буду. Да, документы все при себе. Спасибо. До встречи.

Антон положил трубку и улыбнулся. Впервые за три дня. Улыбка была широкая, немного сумасшедшая, как у человека, который только что выпрыгнул из клетки и увидел перед собой бескрайнее поле.

— Ну что, Антоха, — сказал он сам себе. — Погнали на край света.

Вечером, когда родители вернулись домой, Антон встретил их на кухне с горящим ужином — он всё-таки соорудил что-то из яиц, сыра и огурцов. Мать удивлённо подняла брови, отец хмыкнул.

— Я уезжаю, — объявил Антон, ставя перед ними тарелки.

— Куда? — спросила Людмила Сергеевна, садясь за стол.

— На север. На угольное месторождение. Вахта. Два месяца работаю, месяц отдыхаю.

Отец отложил вилку.

— На север? На угольное месторождение? Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— А как же город? Работа? Друзья?

— Пап, я тут сдохну. В этом городе, в этой квартире, в этой рутине. Мне нужно уехать. Мне нужно что-то настоящее. А там — уголь, техника, простор. И платят хорошо.

Мать и отец переглянулись. В их взгляде читалось и беспокойство, и лёгкое облегчение — потому что они видели, как их сын угасает в четырёх стенах, и не знали, чем помочь.

— Ты хоть понимаешь, что такое север? — спросил отец. — Морозы, ветер, глушь.

— Понимаю. И именно этого я и хочу.

Мать вздохнула, но спорить не стала. Она знала своего сына. Если Антон что-то решил — переубедить его было невозможно. Это было как пытаться остановить экскаватор, который уже начал копать.

— Хорошо, — сказала она. — Но ты будешь звонить. Каждый день.

— Буду, мам. Честное слово.

Отец покачал головой, но в уголках его губ мелькнула улыбка.

— В деда пошёл. Тот тоже в молодости на стройки рвался, лишь бы из дома. Ладно, езжай. Но если что — звони.

Антон кивнул. Внутри него всё пело. Завтра сборы, послезавтра — самолёт, а потом — новый мир. Мир угля, стали и бескрайнего неба.

Ночью Антон не спал. Лежал на диване, смотрел в потолок и улыбался. Дождь за окном уже прекратился, и в тишине было слышно, как где-то далеко капает вода из водосточной трубы. Антон представлял, каким будет это Северное угольное месторождение. Огромная яма в земле, чёрная, как бездна. Гигантские экскаваторы, которые за один ковш поднимают тонны породы. Самосвалы размером с двухэтажный дом. Буровые установки, которые вгрызаются в землю, как клыки. И люди — крепкие, загорелые, с чёрными от угольной пыли руками.

«Я буду лучшим, — думал Антон, засыпая. — Я научусь всему. Я буду работать на буровой. Я добуду больше всех угля. И получу премию. И медаль. И буду стоять на сцене, весь в чёрном, и все будут хлопать».

С этой мыслью он и уснул. А утром началось новое.

Глава 2. Дорога на север

Сборы много времени не заняли. Антон не был человеком, привязанным к вещам. Рюкзак — большой, армейский, купленный ещё в армии. Тёплая куртка, которую подарила бабушка. Свитера — три штуки. Термобельё. Рабочие ботинки — крепкие, с металлическим носком. Перчатки — несколько пар. Шапка. Комплект рабочей одежды, которую, впрочем, обещали выдать на месте. Зарядка для телефона. Документы. Книга — одна, «Остров сокровищ», которую Антон перечитывал уже раз пятый, и не мог просто так оставить дома.

Всё. Больше ничего не нужно.

Утром послезавтра Антон обнял мать, пожал руку отцу, закинул рюкзак на плечо и вышел из квартиры. Лифт, подъезд, мокрый асфальт, серый октябрь. Но сегодня Антон видел всё это по-другому. Не как тюрьму, а как стартовую площадку.

Такси довезло его до аэропорта. Антон зарегистрировался, сдал рюкзак в багаж и пошёл к выходу на посадку. В зале ожидания было полно людей — таких же, как он, вахтовиков. Крепкие мужики в рабочих куртках, с рюкзаками и баулами. Кто-то дремал, кто-то смотрел в телефон, кто-то громко разговаривал по телефону с женой. Антон заметил, что многие из них выглядят так же, как он — немного потерянные, немного возбуждённые, готовые к чему-то новому.

Самолёт был небольшой, старый, с дребезжащими креслами. Антон сел у окна и смотрел, как город уменьшается, превращается в игрушечный, а потом и вовсе исчезает под облаками. Внизу расстилался бесконечный лес — зелёно-серый, густой, непроходимый. Реки блестели, как серебряные нитки. Дороги были тонкими, как царапины. И всё это — огромное, дикое, равнодушное к людям и не знающее их.

Антон прижался лбом к холодному стеклу и улыбнулся.

«Вот это жизнь, — подумал он. — Вот это масштаб».

Перелёт занял четыре часа. Потом пересадка в маленьком городке, где аэропорт представлял собой барак с полосой. Потом ещё час на автобусе по разбитой дороге, которая вилась между сопками и лиственницами. Автобус трясло, подбрасывало, пассажиры матерились, но Антон только улыбался. Каждое дерево за окном было новым. Каждый поворот дороги открывал новый вид. Воздух даже через закрытое окно казался другим — чистым, холодным, пахнущим хвоей и землёй.

И вот, на очередном повороте, за холмом, Антон, наконец, увидел Северное угольное месторождение.

Это было похоже на лунный кратер, вырытый гигантскими когтями. Огромная чаша в земле, чёрная, с террасами, которые спускались вниз, как ступени гигантской лестницы в преисподнюю. По этим террасам ползали экскаваторы — жёлтые, огромные, как динозавры. Самосвалы сновали туда-сюда, как муравьи. Над всем этим висела лёгкая дымка угольной пыли, и в лучах низкого северного солнца она светилась, как золотая.

А вокруг — густой лес, бесконечный, тёмный, молчаливый днём и шепчущий ночью. И небо — огромное, серо-голубое, с редкими облаками, которые неслись на восток, гонимые ветром.

Антон почувствовал, как у него перехватило дыхание. Не от холода. Не от усталости. А от красоты. От масштаба. От того самого чувства, которое бывает, когда ты стоишь на краю обрыва и смотришь вниз, и понимаешь, что мир огромен, а ты мал, и это прекрасно.

— Приехали! — крикнул водитель, останавливая автобус у неприметного здания с вывеской «Северное угольное месторождение. Административный корпус».

Антон схватил рюкзак и вышел. Ветер ударил в лицо — холодный, колючий, пахнущий углём и железом. Антон вдохнул полной грудью и рассмеялся.

— Ну, здравствуй, север, — сказал он. — Я приехал.

Глава 3. Иваныч

Административный корпус оказался двухэтажным зданием из серого кирпича, обшарпанным и обветренным, как старый моряк. Внутри пахло краской, пылью и крепким чаем. Антон прошёл по коридору, мимо кабинетов с табличками, и нашёл нужный: «Отдел кадров». За столом сидела женщина лет пятидесяти в очках на цепочке и с причёской, которая, кажется, не менялась с восьмидесятых.

— Ермолин? — спросила она, не поднимая глаз от бумаг.

— Да. Антон Ермолин.

— Документы.

Антон протянул папку. Женщина полистала, кивнула, поставила несколько печатей.

— Договор на шестьдесят смен, тридцать дней отдыха. Проживание в бараке номер четыре, квартира двенадцать. Питание в столовой, три раза в день. Завтрак в шесть, обед в тринадцать, ужин в двадцать. Форма будет выдана завтра. Инструктаж по технике безопасности — завтра в восемь ноль-ноль, актовый зал. Вопросы?

— Нет.

— Тогда вот вам пропуск. Ключи от квартиры получите у коменданта, барак номер четыре, первый этаж, комната один. Завтра в шесть на работу. Бригада номер три. Бригадир — Сергей Иванович. Он вас введёт в курс дела.

— Спасибо.

— Не за что. Следующий!

Антон вышел из отдела кадров с пропуском в кармане и чувством лёгкого головокружения. Всё произошло так быстро. Ещё два дня назад он лежал на диване и смотрел на разводы на потолке. А сейчас стоит посреди севера, в двух тысячах километров от дома, и завтра пойдёт работать на угольное месторождение.

Барак номер четыре оказался длинным одноэтажным зданием, похожим на казарму. Серые стены, маленькие окна, железная дверь. Антон нашёл коменданта — толстого мужика в запачканной майке, который выдал ему ключи, буркнул: «Не шуметь после двадцати трёх» и захлопнул дверь.

Квартира двенадцать была крохотной. Одна комната, кухня размером с платяной шкаф, санузел с ржавым краном. Но было чисто, тепло, и на подоконнике стоял горшок с искусственным цветком. Антон бросил рюкзак на кровать, стянул куртку и сел.

Тишина. Настоящая, густая, северная тишина. Не городская тишина, которая на самом деле не тишина, а пауза между шумами. А настоящая. Такая, что слышно, как скрипит дерево, как гудит ветер за стеной, как где-то далеко, на месторождении, ухает экскаватор.

Антон лёг на кровать и закрыл глаза. Завтра начнётся новая жизнь. А сегодня можно просто полежать. Послушать тишину. Почувствовать, как тело привыкает к новому месту.

Он уснул мгновенно, как только голова коснулась подушки. Снилось ему что-то огромное и чёрное, с золотыми искрами. Уголь. Миллионы тонн угля, которые ждут его там, внизу, в земле.

Утро началось с рева будильника и стука в дверь.

— Подъём, салага! — раздался за дверью басовитый голос. — Инструктаж через сорок минут! Опоздаешь — Иваныч шкуру спустит!

Антон подскочил, глянул в окно. Было ещё темно — северное утро, серое и холодное. Он быстро оделся, умылся ледяной водой из-под крана и вышел в коридор.

За дверью стоял здоровенный мужик в рабочей куртке, с лицом, как будто вырезанным из дерева.

— Славка, — представился он. — Твой напарник. Пойдём, опоздаем — Иваныч не простит.

Они шли по тёмной дорожке к административному корпусу, и Славка рассказывал:

— Иваныч — это бригадир. Сергей Иванович. Сорок шесть лет, на месторождении двадцать два года. Знает тут всё, от первого ковша до последнего болта. Строгий, как чёрт, но справедливый. Если накосячишь — будет орать. Но если ты прав — будет стоять за тебя горой. Понял?

— Понял.

— И не шути с ним. Он юмор не понимает.

— А я люблю шутить, — сказал Антон с улыбкой.

Славка посмотрел на него с сомнением.

— Ну, как знаешь. Потом не говори, что не предупреждал.

Актовый зал был забит. Человек пятьдесят — все в рабочих куртках, все сонные, все с кружками чая. Антон сел в задний ряд и стал слушать инструктаж по технике безопасности. Говорил какой-то лысый мужик в очках, монотонно и скучно. Антон слушал вполуха, разглядывая людей вокруг.

И тут он увидел его. В третьем ряду сидел мужчина лет сорока шести, крепкий, с короткой стрижкой и цепким взглядом. Он не слушал инструктаж — он наблюдал за залом. За людьми. За их лицами, жестами, позами. Как хищник, который выбирает добычу.

— Иваныч, — шепнул Славка, заметив, куда смотрит Антон. — Видишь? Третий ряд, серая куртка. Это он.

Антон кивнул. После инструктажа все потянулись к выходу, но Иваныч встал и направился прямо к Антону. Подошёл, оглядел его с ног до головы, как оценивают лошадь на рынке.

— Ермолин?

— Да. Антон.

— Сергей Иванович. Бригадир третьей бригады. Теперь ты мой. Понял?

— Понял.

— Что умеешь?

— Монтаж, электрика, экскаватор, автокран, грузовик.

Иваныч хмыкнул.

— Список длинный. А на деле-то что можешь?

— На деле — всё, что в списке. Руки из нужного места.

Иваныч прищурился.

— Ну-ну. Посмотрим. Завтра на смену в шесть. Форма на складе, скажешь, что от меня. А сегодня — знакомься с нашим месторождением. Славка покажет. И запомни, Ермолин: на месторождении два правила. Первое — техника безопасности. Второе — слушать меня. Всё остальное — лирика. Понял?

— Понял.

— Тогда свободен.

Иваныч развернулся и ушёл. Антон смотрел ему вслед и думал, что этот человек похож на старый дуб — крепкий, узловатый, негнущийся. Такой если сказал — значит, так и будет. И шутить с ним, наверное, действительно не стоит.

Но Антоха был не из тех, кто не шутит.

— Ладно, Славка, — сказал он, поворачиваясь к напарнику. — Показывай месторождение. Хочу посмотреть на это чудовище вблизи.

Глава 4. Месторождение

Они шли к месторождению пешком, по грунтовой дороге, которая вилась между штабелями ржавых труб, гор щебня и старыми покрышками. Утро разгоралось, серое небо светлело, и в его просветах проглядывало бледное солнце. Воздух был морозный, пах соляркой и углём.

Славка шёл впереди, засунув руки в карманы, и рассказывал.

— Месторождение у нас большое. Одно из самых крупных в регионе. Уголь тут бурый, но много. Хватит ещё лет на пятьдесят копать. Техника — что надо. Экскаваторы немецкие, самосвалы белорусские, буровые — наши, отечественные. Начальство, правда, так себе. Директор — Геннадий Юрьевич — тряпка, а не директор. Всего боится. Комиссии боится, проверок боится, руководства из столицы боится. Но мужик не злой. Если не лезть к нему с глупостями — жить можно.

— А кто тут главный по буровой? — спросил Антон.

— Степан Игоревич. Начальник буровой установки. Вот с ним лучше не связывайся. Вредный, как тысяча чертей. Любит власть, любит порядок, любит, чтобы все перед ним на цыпочках ходили. Молодых не любит. Считает, что молодёжь — это зло. А ты ещё и активный. Так что готовься — будет тебя гонять.

— А я не из пугливых, — усмехнулся Антон.

— Это я уже понял, — хмыкнул Славка.

Они вышли на край месторождения, и Антон остановился. Внизу, в огромной чаше, кипела работа. Экскаваторы рыли уголь, самосвалы вывозили породу, где-то стрекотала буровая. Всё было огромным, громким, живым. Антон почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. Не страх. Не трепет. А радость. Чистая, детская радость от того, что он наконец-то там, где должен быть.

— Красиво, — сказал он тихо.

Славка удивлённо посмотрел на него.

— Ты серьёзно? Красиво? Это ж яма с углём.

— Нет, Славка. Это не яма. Это — жизнь. Настоящая. Не пластиковая. Не городская. А настоящая.

Славка пожал плечами, но ничего не сказал. Может быть, он не понимал. А может быть, понимал, но давно привык и забыл, как это — смотреть на месторождение впервые и чувствовать, что сердце замирает.

Они спустились вниз по серпантину дороги. Вблизи всё было ещё впечатляющим. Ковш экскаватора был размером с комнату. Колёса самосвала — выше головы Антона. А буровая установка стояла в стороне, как гигантский металлический палец, вонзённый в небо.

— Вон она, буровая, — показал Славка. — Степан Игоревич там, видишь, мужик в красной каске? Орёт на кого-то.

Антон посмотрел. У буровой стоял коренастый мужик лет пятидесяти в красной каске и размахивал руками, что-то крича молодому парню в синем комбинезоне. Парень вжимал голову в плечи и кивал.

— Это и есть Степан Игоревич, — подтвердил Славка. — А орёт он на всех. Это его стиль управления.

Антон запомнил. Красная каска. Коренастый. Орёт. Начальник буровой. Человек, который будет стоять между ним и его мечтой.

— Ничего, — сказал Антон себе под нос. — Прорвёмся.

Они обошли месторождение, поглядели на технику, на людей, на бесконечные штабеля угля. Антон запоминал всё. Каждый поворот, каждый механизм, каждое лицо. Он чувствовал,

как впитывает этот мир, как губка воду. И понимал: здесь он будет не гостем. Здесь он будет своим.

К обеду они вернулись в барак. Антон принял душ, переоделся и пошёл в столовую. Столовая была в отдельном здании, одноэтажном, с большими окнами и красивым фасадом. Внутри пахло вкусными супами и гарнирами, жареным мясом и свежим хлебом.

Антон взял поднос, набрал еды — куриный суп с лапшой, мясная котлета с жареной картошкой, овощной салат, апельсиновый сок — и сел за свободный столик. Ел жадно, с аппетитом, как человек, который два дня сидел на огурцах и яйцах.

И тут он увидел её.

За стойкой раздачи стояла девушка. Нет, не девушка. Женщина. Но какая-то... тёплая. Как булочка, которую только что достали из печки. Среднего роста, полная, с большой грудью, которая натягивала белый халат. Тёмно-русые волосы собраны в пучок на затылке, несколько прядей выбились и обрамляли лицо. Карие глаза. Веснушки под глазами — маленькие, как точки от карандаша. Аккуратный носик. И улыбка. Улыбка, от которой Антон чуть не подавился котлетой.

Она улыбалась каждому, кто подходил за едой. Не дежурной, натянутой улыбкой продавца, а настоящей, тёплой, лучезарной. Как будто каждый человек, который подходил к ней, был самым важным и любимым. Как будто она была рада видеть каждого. Как будто разливать суп на угольном месторождении было для неё не работой, а счастьем.

— Это кто? — спросил Антон у Славки, который сидел напротив и жадно уплетал макароны.

Славка проследил за его взглядом.

— Машка. Повариха. Работает тут второй год. Добрая, весёлая. Все её любят. Мужики за ней ухлёстывают, но она никого не подпускает. Говорит, что не хочет связываться с вахтовиками. Мол, уедете — и всё. А ей тут жить.

Антон кивнул и снова посмотрел на Машку. Она как раз поворачивалась к нему — их взгляды встретились на секунду. Машка улыбнулась. Антон почувствовал, как внутри него что-то щёлкнуло. Маленький щелчок, как в замке, когда ключ попадает в нужную скважину.

Он быстро отвёл взгляд и уткнулся в тарелку. Но перед глазами всё равно стояла её улыбка. Веснушки. Карие глаза. Пучок тёмно-русых волос.

«Машка», — подумал Антон. И улыбнулся в стакан сока.

Глава 5. Первый день на смене

Утро второго дня началось в пять. Антон встал, умылся, оделся в новенькую рабочую форму — оранжевую куртку, серые штаны, чёрные ботинки с металлическим носком. Посмотрел в зеркало. Из зеркала на него смотрел другой человек. Не городской мальчик в джинсах и толстовке. А рабочий. Вахтовик. Добытчик.

— Ну, Антоха, погнали, — сказал он отражению.

В шесть утра он уже был на месторождении. Иваныч ждал его у бытовки — серого вагончика, где бригада хранила инструмент и переодевалась.

— Не опоздал, — констатировал Иваныч. — Хорошо. Сегодня смотришь и учишься. Завтра начинаешь работать. Славка будет с тобой. Вопросы?

— Вопросы потом. Пока хочу понять, что тут и как.

Иваныч хмыкнул.

— Люблю таких. Которые сначала смотрят, а потом спрашивают. Пойдём.

День был длинным. Антон ходил за Иванычем, смотрел, запоминал. Иваныч показывал ему технику, объяснял, что и как работает, где какие узлы, что ломается чаще всего, как чинить. Говорил коротко, чётко, без лишних слов. Как стрелял — в цель и сразу.

— Вот это, — Иваныч ткнул пальцем в огромный экскаватор, — ЭКГ-10. Десять кубов ковш. Машина серьёзная. Если что-то ломается — мы чиним. Если не можем — вызываем ремонтную бригаду. Но лучше чинить самим. Потому что пока ремонтная бригада едет — три дня простой. А три дня простоя — это минус план. А минус план — это минус премия. Понял?

— Понял.

— Электрика. Кабели, щитки, движки. Всё на тебе. Если что-то сбоит — ты первый, кто лезет. Но помни: сначала обесточить, потом лезть. Иначе будешь как тот дурак, которого в прошлом году током ударило. Живой, но седой. В двадцать пять лет.

— Понял.

— Монтаж. Конструкции, крепления, лебёдки. Всё, что держит и не падает. Если падает — значит, ты плохо закрепил. Значит, ты виноват. Значит, я тебе голову откручу. Понял?

— Понял, Иваныч.

Иваныч посмотрел на него. В его глазах мелькнуло что-то тёплое. Совсем чуть-чуть. Как искра в костре.

— Ладно, Ермолин. Вижу, что не дурак. Посмотрим, как завтра работать будешь. А сегодня иди в столовую, обед. И выспись. Завтра будет тяжело.

Антон кивнул и пошёл к столовой. По дороге он думал о Машке. О её улыбке. О веснушках. О том, как она смотрела на него вчера. Глупо, конечно. Он тут второй день. Но что-то внутри него пело. Тихо, несмело, но пело.

В столовой было людно. Антон взял поднос и встал в очередь. Машка была на раздаче. Сегодня она была в голубом халате, и пучок на голове был чуть небрежнее, чем вчера. Одна прядь упала на лоб, и Машка то и дело сдувала её.

Антон подошёл к стойке.

— Куриный суп, пожалуйста. И котлету.

Машка подняла глаза. Увидела его. Улыбнулась.

— Новенький?

— Второй день. Антон.

— Маша, — она налила суп в тарелку. — Добро пожаловать на месторождение, Антон. Тут кормят хорошо. Не переживайте.

— Я и не переживаю, — сказал Антон. — Особенно когда такая повариха.

Машка рассмеялась. Тихо, мягко. Как колокольчик вдалеке.

— Льстец. Садитесь, ешьте. Обед стынет.

Антон взял поднос и пошёл к столику. Сел, кушал, но во время всего обеденного перерыва он смотрел на Машку. Как она разливает суп. Как улыбается. Как поправляет прядь волос. Как шутит с мужиками. Как ловко управляется с огромными кастрюлями. Она была в своей стихии. Как рыба в воде. Как птица в небе.

И Антон понял, что он влип. Серьёзно, основательно, безвозвратно влип.

«Нет, — сказал он себе. — Не торопись. Ты тут второй день. Может, это просто... ну... голод и усталость. Пройдёт».

Не прошло. Ни к вечеру, ни на следующий день, ни через неделю не прошло.

Глава 6. Карен и Зураб

Первые рабочие смены на месторождении пролетели как один день. Антон работал много, усердно, тяжело и с удовольствием. Утром подъём, завтрак, смена. Двенадцать часов на ногах, в холоде, в угольной пыли. Вечером душ, ужин, сон. И так каждый день. Но Антон не жаловался. Наоборот — он чувствовал, что ожил. Что тело, которое в городе ныло и скрипело, здесь, на севере, нашло своё предназначение.

Иваныч гонял его безжалостно. Но Антон не обижался. Он понимал: Иваныч не злой. Иваныч учит. По-своему, по-северному, по-мужски. Без сюсюканья и похвал. Но справедливо. Если Антон сделал хорошо — Иваныч молчал. А молчание Иваныча было высшей похвалой. Если накосячил — Иваныч орал. Но орал по делу. Не унижая. Не оскорбляя. А объясняя, где ошибка и как её не повторять.

На третий день Антон познакомился с Кареном.

Карен был первым старшим коллегой в бригаде. Пятьдесят с лишним лет, невысокий, коренастый, с густыми чёрными бровями и орлиным носом. Родился и вырос в Армении, в маленьком селе у подножия горы Арарат. На месторождении работал уже пятнадцать лет. Считал себя самым опытным специалистом и не скрывал этого.

— Антон, джан, — сказал Карен в первый день, подходя к Антону с кружкой чая. — Ты, я слышал, монтажник?

— Да. И электрик. И водитель.

Карен хмыкнул.

— Много знаешь — мало спишь, как говорил мой дед. Слушай сюда, джан. Я тебе сейчас расскажу, как правильно болт крутить. Ты думаешь, болт — это просто болт? Нет, джан. Болт — это философия. В Армении говорят: болт без гайки — как мужчина без женщины. Ничего не держит. Понимаешь?

Антон с трудом сдержал улыбку.

— Понимаю, Карен.

— Не понимаешь. Поймёшь потом. Я тебе покажу. Смотри: берёшь ключ, ставишь вот так, и крутишь не со всей дури, а с чувством. С любовью. Как будто ты не болт крутишь, а хачапури делаешь. Нежно, но уверенно. Понимаешь?

— Понимаю, Карен.

— Вот и хорошо. А теперь иди и крути. Но помни: с чувством. С любовью. Как хачапури.

Карен ушёл, а Антон ещё долго стоял с ключом в руке и думал: «Как хачапури. Болт. Как хачапури». И улыбался.

Зураб появился на четвёртый день. Он был вторым старшим коллегой. Высокий, худой, с длинным носом и грустными глазами. Родился в Грузии, в Кахетии, среди виноградников. На месторождении работал двенадцать лет. Тоже считал себя самым опытным специалистом. Тоже давал советы.

— Антон, дорогой, — сказал Зураб, подходя к нему в обед. — Я слышал, ты экскаватор водишь?

— Вожу.

Зураб покачал головой.

— Водишь — это одно. А вот управлять — это другое. В Грузии говорят: осёл тоже ходит по дороге, но он не управляет. Он просто идёт. Понимаешь?

— Не совсем.

— Слушай. Экскаватор — это не машина. Это конь. Грузинский конь. Ты должен чувствовать его. Каждую жилку. Каждый мускул. Когда он хочет повернуть — ты уже знаешь.

Когда он устал — ты уже чувствуешь. Это не руль крутить. Это танец. Как лезгинка. Понимаешь?

— Понимаю, Зураб.

— Не понимаешь. Но поймёшь. Я тебе покажу. Завтра пойдём на ЭКГ-10, и я тебе покажу, как настоящий мужчина управляет экскаватором. Как лезгинку танцует. С душой. С огнём. Понимаешь?

— Понимаю.

— Вот и хорошо. А пока иди, ешь. Хорошо ешь. Худой как щепка. В Грузии таких не любят. В Грузии любят, когда мужчина кушает. Много. С удовольствием. Как будто последний раз в жизни.

Антон пошёл есть. А за спиной слышал, как Карен кричит Зурабу:

— Зураб, дорогой, ты ему голову морочишь! Какой танец! Какой лезгинка! Экскаватор — это техника! Болт с гайкой! Как хачапури!

— Карен, дорогой, ты не понимаешь! Экскаватор — это конь! Это душа! Это лезгинка!

— Нет, джан! Это болт! Это гайка! Это хачапури!

Антон рассмеялся и пошёл в столовую.

Глава 7. Столовая и Машка

Прошло совсем немного времени на вахте, но Антон уже втянулся в ритм. Подъём, работа, обед, работа, ужин, сон. Иногда — светлое пиво после смены. Прохладное, в жестяной банке, в компании Славки и ещё пары вахтовиков. Антоха не был пьяницей. Но после тяжёлой смены одна-две банки светлого помогали расслабиться. Славка пил больше, но тоже в меру.

Каждый день Антон ходил в столовую. И каждый день видел Машку. И каждый день внутри него что-то тёплое разгоралось. Как уголёк в золе. Тихо, медленно, но неуклонно.

Машка была поварихой. Готовила супы, котлеты, макароны, салаты и многое другое. Кормила двести мужиков три раза в день. И делала это с такой улыбкой, как будто кормила не голодных горняков, а гостей на празднике. Антон не мог понять, как у неё хватает сил. Как она не устаёт. Как не раздражается. Как каждый день находит в себе эту лучезарную улыбку.

Он пытался с ней заговорить. Неуклюже, как мальчишка.

— Маш, а что сегодня на ужин?

— Тушеное мясо с рисом и овощами.

— Звучит отлично. Ты сама готовила?

— Сама, конечно. А кто же ещё?

— Ну, может, кто-то помогал.

Машка рассмеялась.

— Антон, тут три поварихи. Я, тётя Валя и Люда. Но мясо сегодня я готовила.

— Тогда я съем две порции.

— Ешьте. Мне приятно, когда едят с аппетитом.

И всё. Короткий разговор. Ничего особенного. Но после него Антон ходил весь вечер, как дурак, с улыбкой на лице. Славка смотрел на него и качал головой.

— Втюрился? — спрашивал он.

— Не втюрился, — огрызался Антон. — Просто... интересно.

— Ага. Интересно. Как же. Ты на неё смотришь, как кот на сметану.

— Отстань, Славка.

— Ладно-ладно. Моё дело предупредить. Машка — она не такая, как городские. Она тут живёт. Не вахтой. Ей тут дом. Семья, может, будет. А ты уедешь через два месяца. И всё. Она это понимает. И не хочет. Понимаешь?

Антон понимал. Но ничего не мог с собой поделать.

Однажды вечером, после ужина, Антон задержался в столовой. Помогал убирать подносы — не потому что просили, а потому что хотел быть рядом с Машкой. Она заметила.

— Антон, вам не обязательно помогать. Идите отдыхать.

— Да мне не тяжело. А вам, наверное, одной тяжело?

Машка посмотрела на него. В её карих глазах мелькнуло что-то. Тёплое. Благодарное. Но тут же она отвела взгляд.

— Спасибо. Но я справляюсь. У меня это работа.

— А у меня — желание помочь.

Машка улыбнулась. Но как-то грустно.

— Вы добрый, Антон. Но не надо. Правда. Идите отдыхать. Завтра смена.

Антон кивнул и пошёл к выходу. У двери обернулся. Машка смотрела ему вслед. Их взгляды встретились. На секунду. На две. И в этой секунде было столько всего, что Антон чуть не споткнулся о порог.

Он вышел в холодную ночь. Ветер ударил в лицо. Звёзды горели над месторождением, как бриллианты на чёрном бархате. Антон вдохнул морозный воздух и прошептал:

— Машка...

Имя прозвучало в тишине, как молитва.

Глава 8. Мариночка

На третьей смене Антон пошёл в бухгалтерию за авансом. Бухгалтерия находилась в том же административном корпусе, на втором этаже. Маленький кабинет с двумя столами, сейфом и вечным запахом кофе. За одним столом сидела женщина лет тридцати пяти, с обычным, непримечательным лицом, каштановыми волосами, собранными в хвост, и в очках без оправы.

— Здравствуйте, — сказал Антон, входя. — Я за авансом. Ермолин, бригада три.

Женщина подняла глаза. Посмотрела на Антона. И замерла.

Буквально замерла. Как будто время остановилось. Как будто кто-то нажал на паузу. Её глаза — обычные, карие, за обычными очками — вдруг расширились. Щёки порозовели. Рука, которая держала ручку, дрогнула.

— А... да... конечно... Ермолин... бригада три... — пробормотала она, роясь в бумагах. — Секунду... Сейчас... Я найду...

Она уронила ручку. Подняла. Уронила снова. Антон терпеливо ждал.

— Простите, — сказала женщина, краснея. — Я... я Мариночка. Марина Викторовна. Бухгалтер. Ваш аванс... Сейчас... Где-то тут был...

Она перерывала бумаги на столе. Перекладывала папки. Заглядывала в ящики. Антон заметил, что на столе у неё царит абсолютный хаос. Бумаги лежали стопками, вразнобой, некоторые с загнутыми углами, некоторые с пятнами кофе.

— Вот! — Мариночка извлекла откуда-то из-под кучи бумаг конверт. — Вот ваш аванс. Ермолин Антон. Бригада три. Распишитесь тут. И тут. И тут.

Антон расписался. Взял конверт.

— Спасибо, Мариночка.

— Не за что, — сказала она тихо. И добавила, чуть быстрее, чем нужно: — Если будут вопросы по зарплате, по вычетам, по налогам — приходите. Я помогу. В любое время. Правда. В любое время.

— Хорошо, спасибо.

Антон вышел. Мариночка смотрела ему вслед. Потом медленно опустила голову на стол и закрыла лицо руками.

«Какие глаза, — думала она. — Какие плечи. Какой голос. Боже мой. Боже мой. Что со мной».

Мариночка работала на месторождении пять лет. Пять лет тихой, незаметной жизни. Цифры, бумаги, отчёты. Она была обычная. Непримечательная. Никогда не привлекала внимания. И ей это нравилось. Она пряталась за бумагами, за цифрами, за своим столом в углу кабинета.

Но Антоха... Антоха ворвался в её жизнь, как ураган в тихую комнату. Высокий. Белокурый. С этими своими голубыми глазами и широкой улыбкой. Он стоял перед ней две минуты, а ей показалось, что прошла вечность. И в эту вечность Мариночка успела влюбиться. Безнадёжно, глупо, безвозвратно.

С этого дня Мариночка начала искать поводы пересечься с Антохой. Придумывала. Изобретала. Сооружала.

«Антон, у вас ошибка в табеле. Придите, исправим».

«Антон, вам нужно подписать документ о технике безопасности».

«Антон, у нас сверка по бригадам. Нужна ваша подпись».

Каждый повод был высосан из пальца. Антон это чувствовал, но не подавал виду. Он был добрый. Не хотел обижать. Но и не понимал, зачем Мариночка зовёт его по десять раз в неделю.

— Славка, — сказал он однажды напарнику. — А Мариночка всегда такая... путаная?

Славка хмыкнул.

— Мариночка? Она всегда в бумагах путается. Вечно что-то теряет, роняет, забывает. Ей всё прощают, потому что цифры считает она очень хорошо. Цифры не путает. А бумаги — да, вечно хаос. Но ты, Антоха, не обращай внимания. Она просто... ну... ты ей понравился.

— В смысле?

— В прямом. Влюбилась она в тебя. С первого аванса. Ты пришёл, а она на тебя смотрит, как кролик на удава. И всё. Пропала баба.

Антон нахмурился.

— А я-то тут при чём? Я ей ничего не обещал.

— Никто и не говорит, что обещал. Просто будь аккуратен. Она женщина одинокая, ранимая. Не обижай. Но и не давай надежды. Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул Антон.

Но Мариночка не унималась. Она караулила его у бухгалтерии. Поджидала в коридоре административного корпуса. Однажды даже пришла на месторождение, якобы «проверить табель», и простояла рядом с Антохой полчаса, задавая глупые вопросы и хихикая.

Антон был вежлив. Но твёрд. Он не флиртовал. Не давал поводов. Не обижал. Но и не поощрял. И Мариночка это чувствовала. И страдала. Тихо, в своём углу, за кучей бумаг. Но не сдавалась.

«Он просто ещё не понял, — думала она. — Он поймёт. Я подожду. Я терпеливая».

Глава 9. Петр Васильевич

На четвёртой смене Антон познакомился с Петром Васильевичем. Точнее, не познакомился, а столкнулся. Буквально. В коридоре барака, поздно вечером, когда Антон возвращался из душа.

Из-за угла, как тень, выросла фигура. Высокая, худая, в тёмной куртке. Антон чуть не врезался в неё.

— Ой, простите! — сказал Антон.

Фигура ничего не ответила. Только посмотрела на Антона. Долго, пристально, как смотрят сквозь стекло. Потом молча прошла мимо и скрылась в темноте коридора.

— Это кто? — спросил Антон у Славки, вернувшись в квартиру.

— Петр Васильевич. Главный охранник. Пятьдесят два года. На месторождении лет десять. Никто о нём ничего не знает. Не пьёт, не курит, не разговаривает. Ходит, как тень. Смотрит, как сова. Молчит, как рыба.

— А почему он так... странно себя ведёт?

Славка понизил голос.

— А вот тут, Антоха, самое интересное. Народ на месторождении шепчется, что Петр Васильевич — шпион. Иностранный.

Антон расхохотался.

— Шпион? Серьёзно?

— А ты не смейся. Посуди сам: человек десять лет на месторождении. Ни с кем не общается. Ни с кем не дружит. Ходит по ночам по территории. Записывает что-то в блокнот. На вопросы не отвечает. Про личную жизнь — ни слова. Ни жена, ни дети, ни родители. Ничего. Как будто его нет.

— Может, он просто интроверт?

— Может. Но народ не верит. Народ считает, что он шпион. И периодически устраивает ему проверки.

— Какие проверки?

— Разные. Кто-то подбрасывает ему в подвал «шпионские» штуки — рации, карты, шифровки. Кто-то задаёт ему провокационные вопросы. Кто-то следит за ним по ночам. А он — ноль реакции. Молчит. Ходит. Смотрит. Как будто не замечает.

— И что?

— И ничего. Десять лет «проверяют», а он всё не признаётся. Потому что не шпион он. Просто странный. Очень странный. Очень замкнутый. У него, говорят, в детстве что-то случилось. Не то травма, не то просто характер такой. Но мужик он нормальный. Просто... тихий.

Антон задумался.

— А он никогда не обижается на эти проверки?

— Не-а. Вообще не реагирует. Как будто не с ним. Идёт мимо, и всё. Как стена.

На следующий день Антон увидел Петра Васильевича снова. Охранник стоял у КПП — контрольно-пропускного пункта на въезде в месторождение. Стоял прямо, как столб, в тёмной форме, с рацией на поясе. Лицо — неподвижное, как маска. Глаза — пустые, как у рыбы. Ни эмоций, ни мыслей. Просто смотрит.

Антон подошёл.

— Доброе утро, Петр Васильевич.

Охранник посмотрел на него. Долго. Молча. Потом кивнул. Один раз. Чуть-чуть. И отвернулся.

Антон хмыкнул и пошёл на смену.

Вечером, в столовой, он рассказал об этом Славке.

— Ну вот, — сказал Славка. — Я же говорил. Стена. Не человек.

— А мне его жалко, — сказал Антон. — Десять лет в тишине. Десять лет один. Это же... грустно.

— Грустно, — согласился Славка. — Но он сам выбрал. Никто его не заставляет быть таким.

— А может, не выбрал. Может, просто не умеет по-другому.

Славка пожал плечами и уткнулся в тарелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.